

основанием, потому что только общечеловеческие принципы морали могут быть единственным критерием поведения, достойного человека. Ни экономическая эффективность, ни политическая конъюнктура, ни молодость или глупость, ни «дух времени», когда: предложили — выступил, — ничто не может снять с человека всей полноты нравственной ответственности за каждый его поступок, пока он остается свободным мыслящим существом. Вот эта мысль, содержащаяся в этических рассуждениях Иммануила Канта, оказывается удивительно созвучна идеям современного нового мышления.

¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 358.

² Там же.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 379—380.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 184.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЯ ЦЕЛЕСОБРАЗНОСТИ У КАНТА

С. В. Корнилов

(Калининградский государственный университет)

Исследование структуры научного знания, осуществленное в «Критике чистого разума», привело Канта к заключению, что бесконечное многообразие эмпирических законов (открытых или тех, которые потенциально могут быть открыты) нельзя представить в виде простого агрегата, так как в противном случае была бы утеряна идея науки. В то же время у него возникло предположение, что высшая системная форма организации знания — органического типа и в ней идея целого предшествует частям. Образное сравнение единства научного знания с живым существом задавало направление поиску решения проблемы организации знания.

Однако логическая экспликация «организма» как модели единства научного знания оказалась совершенно недоступна тем познавательным способностям, которые детально анализировались в первой «Критике». Обосновать системную организацию знания было бы совершенно невозможно как из опыта, так и из рассудка. Первый путь привел бы к логическому кругу, поскольку принцип, призванный стать гарантом единства эмпирических законов, сам был бы эмпирическим. Этот принцип не мог быть выведен и из рассудка, так как в подобном случае происходило бы предписывание природе законов, определение ее объектов, что подменяло бы эмпирическое естествознание чистым, ликвидировало бы познание как процесс открытия природных законов. Значит, рассуждает Кант, систем-

ная организация знания может быть понята только при допущении, что она как бы задана неким разумом, который, не предписывая ничего самим природным объектам, указывал бы на возможность нашей рефлексии о них. Выполнение данной функции образует особую познавательную способность. Так в кантовскую гносеологию вводится принципиально новое понятие — «рефлектирующая способность суждения», а вместе с последним и особый эпистемологический принцип — принцип целесообразности. Его анализ — предмет «Критики способности суждения», в которой теория познания Канта получает дальнейшее развитие и спецификацию. Раскрытие содержания этого принципа поэтому чрезвычайно важно для правильного понимания системы Канта.

Характерной чертой способности суждения является то, что она не открывает законов природы. Но вместе с тем ценным результатом кантовского исследования естественнонаучного знания стало осознание того, что самих по себе законов природы недостаточно, чтобы гарантировать ее познаваемость. Утверждать последнее можно было бы только в том случае, если бы природу можно было представить в единой системе знания, элементы которой, как бы они ни казались случайными, подчинялись бы закономерности. А закономерность случайного как такового и есть целесообразность (5, 121). «Иными словами, это должно было бы быть понятие о целесообразности природы для нашей способности познавать ее, поскольку для этого требуется, чтобы мы могли судить об особенном как о содержащемся в общем и подводить под понятие некоей природы» (5, 108).

Основное правило рефлектирующей способности суждения носит, таким образом, субъективный характер; эта субъективность заключается в том, что природа мыслится в соответствии с данным принципом, как будто она соотнобразуется с нашей способностью суждения. Требование закономерности случайного, хотя оно и является субъективным правилом, не может, однако, рассматриваться в качестве частного или произвольного мнения — предположение о системе эмпирических законов выступает как необходимое основание нашего познания. Поскольку в этом принципе нет ничего эмпирического, принцип субъективной целесообразности, по терминологии Канта, представляет собой трансцендентальный принцип способности суждения, т. е. является всеобщим априорным условием осуществления познания.

Введение принципа субъективной целесообразности в критической философии не приводит само по себе к изменению представлений об объектах познания — они определяются другими способами, как известно, из гносеологической концепции «Критики чистого разума». При таком рассмотрении природные формы не приобретают никаких признаков целесообраз-

ности, но они целесообразно соотносятся в логической системе знания. Говоря современным языком, объектный язык не предполагает использования никаких понятий, кроме категорий и терминов классической механики, а открываемые в результате их применения законы однотипны известным физическим законам. Вместе с тем в системе знания как целого эти законы целесообразно упорядочены, и эта логическая целесообразность касается отношений между нашими понятиями, а не отношений между вещами. Ее поэтому можно назвать, как это делает Кант, формальной целесообразностью, поскольку она действительно характеризует форму знания, но не природные объекты как таковые.

Проблема системной организации знания, выдвинутая в первой «Критике», получает, следовательно, свое разрешение только в результате критики способности суждения, установления эпистемологического статуса принципа субъективной целесообразности как закона рефлектирующей способности суждения. Не имея возможности доказать логическую необходимость соответствия одних эмпирических законов другим, а также их единство в системе научного знания, мы должны допустить существование такого целесообразного единства. Хотя возможность эмпирического познания коренится в соединении восприятий в понятии объекта, их согласованность не есть еще «то синтетическое единство опыта как системы, которое соединяет эмпирические законы под одним принципом также по тому, в чем они отличаются друг от друга (и где многообразие их может доходить до бесконечности). То, что категория есть в отношении каждой части опыта,— это целесообразность или соответствие природы (также и в отношении ее частных законов) нашей способности суждения...» (5, 109).

Будучи условием познавательного опыта и основанием системы научного знания, принцип субъективной целесообразности перерастает из частного приема мышления в универсальный внутренний принцип организации всего научного знания. И если первая кантовская «Критика» определила необходимые объективные условия опыта (помимо априорных форм чувственности это априорные понятия и универсальные законы природы), то завершением кантовской гносеологии стало открытие объективно возможного, но необходимого субъективно априорного основания познания.

Принцип целесообразности выполняет существенную функцию в эпистемологии Канта, а не является, как иногда утверждают, «только упражнением способности суждения»¹. При этом его своеобразие состоит в том, что он не может иметь доказательство, независимое от его роли в научном исследовании. Последнее обстоятельство отличает его от принципа причинности, истинность которого устанавливается помимо того, как он используется в процессе познания. Поэтому утвержде-

ние, что каждое событие имеет свою причину, в отличие от утверждения о целесообразной связи множества открытых законов, объективно. Каково же в таком случае будет отношение системы научного знания, подчиняющейся закону целесообразности, к природе, где отношения между явлениями мыслятся по закону причинности?

На первый взгляд, введение принципа целесообразности в кантовскую гносеологию чревато разрушением всей его концепции обоснования естествознания, поскольку если принять допущение о системной организации эмпирического знания, то из этого следует вывод о системном единстве самой природы по тем законам, которые в своем единстве целесообразны, так как никакой иной природы, кроме как данной в знании, мы в процессе познания иметь не можем. Кант, однако, не считал, что субъективная целесообразность разрушает объективные основания знания. Это значит, что применение принципа целесообразности мыслилось им специфически.

В самом деле, использование последнего в эпистемологии может быть двояким. Во-первых, его систематизирующая роль может пониматься в качестве эксплицитного утверждения о единстве изучаемых законов еще до того, как они бывают открыты. Во-вторых, возможна трактовка его в значении имплицитного предположения об организации научного знания, отрицание которого делает бессмысленным само исследование. Из данных вариантов интерпретации кантовского принципа целесообразности только второй имеет смысл, поскольку в процессе изучения природы не может быть никакой эксплицитной гарантии успеха. Но если мы все же делаем такую попытку, то не должны отрицать, что принцип рефлектирующей способности суждения истинен².

Тем не менее то обстоятельство, что финальным понятием кантовского обоснования механистического естествознания стало понятие целесообразности, представляется парадоксальным. Исключенное из таблицы категорий «Критики чистого разума», понятие цели нашло свое место в философском обосновании системности научного знания, стало рассматриваться как внутренний принцип его организации. С помощью способности суждения «цель полагают вовсе не в объекте, а исключительно в субъекте, и притом лишь в его способности рефлектировать» (5, 120).

Определение способа и границ действия принципа формальной целесообразности обозначило его эпистемологический статус, завершив кантовскую гносеологическую доктрину. Но вместе с тем именно ограничение сферы приложения субъективной максимы познания содержало уже имплицитную постановку совсем другого, но логически вытекающего из анализа роли принципа целесообразности в познании, вопроса: если формальная целесообразность присуща системе научного зна-

ния и введение этого понятия правомерно в гносеологии, то можно ли мыслить также и природные объекты как целесообразные, то есть существует ли целесообразность не только в познании природы, но и реально, как понятие о материальных вещах?

Постановка этого вопроса явилась подлинно новаторской в рамках кантовской философской системы, поскольку затрагивала как ее общую архитектонику, так и сложившуюся картину мира. Развитие мысли Канта шло как бы от исследования познания механических закономерностей природы к изучению их организации в системе знания, а открытие целесообразного характера последней стало отправным для обращения к природе вновь. Что же явилось предпосылкой подобного реверса в философском мышлении Канта?

Объяснить данный поворот можно, лишь учитывая активное формирование «биологической реальности» в XVII—XVIII вв. Подтверждением того, что именно гносеологическая ситуация в современной ему биологии привела Канта к разработке понятия реальной целесообразности, является утверждение самого кенигсбергского мыслителя: «...среди продуктов природы мы находим особые и очень распространенные роды, в самих себе содержащие такую связь действующих причин, в основу которой мы можем положить понятие цели, если только хотим осуществлять опыт, т. е. наблюдение согласно принципу, соответствующему внутренней возможности опыта» (5, 141). Отметим в этой связи, что утверждение о существовании наряду с формальной целесообразностью также целесообразности реальной стало первой формулировкой центральной идеи кантовского обоснования биологии.

Но если концепция органической природы в критической философии — отдельная тема, то обсуждение статуса понятия целесообразности у Канта не может ограничиваться различением субъективного и объективного использования его — оно становится ключевым для всей третьей «Критики», обнаруживая свою плодотворность в гносеологии, эстетике, философии математики, — короче, представляет собой целый «блок» различных видов целесообразности. И правильно представить значение каждого из них можно, только учитывая взаимосвязь и субординацию последних.

Построение какой-либо стройной классификации видов целесообразности у Канта крайне затруднительно, так как в «Критике способности суждения» они подразделяются по разным основаниям и имеют различные характеристики, значение которых подлежит зачастую реконструкции и не является явным. Подробное их изложение дается Э. Унгерером³. Для наших целей достаточно ограничиться констатацией того, что целесообразность выступает родовым понятием у Канта по отношению к таким ее видам, как абсолютная, внешняя, внут-

ренная, интеллектуальная, логическая, общезначимая, объективная, относительная, практическая, преднамеренная, субъективная, телеологическая, трансцендентальная, формальная, «без цели», эстетическая, материальная, математическая, моральная.

Среди этого многообразия проявлений целесообразности некоторым из них принадлежит особо важное значение. Это, во-первых, эстетическая целесообразность. «Критика способности суждения» обнаружила, выявила родственность нашего мышления об органическом мире эстетическому суждению, поскольку и то и другое становятся возможными благодаря принципу целесообразности. Поэтому Кант объединяет в своей последней «Критике» две смысловые части: исследование эстетической способности суждения и анализ телеологической способности суждения. Но вместе с тем они существенно разнятся, и их размежевание позволяет принципиально очертить сферу именно эпистемологического использования принципа целесообразности.

Собственно познавательное и эстетическое четко разграничиваются Кантом, поскольку последнее не основывается на каком-либо понятии. Поэтому эстетически целесообразное, будучи субъективным и формальным, может быть вполне обособлено и оставлено за пределами исследования кантовской концепции оснований научного знания.

Своеобразное место у Канта занимает математическая целесообразность. Ее обыкновенно, замечает он, смешивают с эстетической оценкой. Однако последняя осуществляется без понятия, в то время как первая основана на понятии. Так, в понятии круга дается ключ к решению множества проблем, каждая из которых относительно самостоятельна. Например, если по данному основанию и противолежащему ему углу надо построить треугольник, то сама по себе эта задача может быть решена разными способами. Использование же круга, т. е. геометрического места для треугольников, соответствующих сформулированным условиям, обнаруживает целесообразное единство возможных решений задачи. Поэтому математическую целесообразность можно квалифицировать как объективную и, поскольку в чистой математике речь идет не о существовании вещи, а о ее возможности, также как формальную.

Помимо объективной формальной целесообразности, представленной, в частности, геометрическими фигурами, существует, полагал Кант, объективная материальная целесообразность. Она характеризует уже причинно-следственные отношения, которых не касались другие виды целесообразности. Ее можно подразделить на относительную (внешнюю) и внутреннюю. Первая оказывается случайной для самой вещи, которая выступает лишь в качестве средства для использования кем-то, и означает, по сути, просто пригодность. Однако организмы

требуют мышления в соответствии с принципом внутренней целесообразности. Как анатомия, так и другие биологические дисциплины показывают, что в живой природе ничего не бывает напрасно, и поэтому телеологическое основоположение столь же необходимо здесь, как физическое (5, 401). Учение о цели и внутренней целесообразности правомерно вводится в исследование органического мира.

В литературе были предприняты попытки установить соотношение основных категорий, которые находятся «в пакете» кантовской теории целесообразности. Одна из них, предпринятая М. А. Булатовым, привела ее автора к построению схемы, отражающей связи между разными видами целесообразности у Канта⁴. К отмеченным в ней отношениям следует также добавить моральную телеологию, хотя она и не была акцентирована Кантом в последней «Критике». Это тем более важно, что соотношение морального целеполагания и различных видов целесообразности у Канта не является простым. Оценивая данную схему, следует иметь в виду, что в ней кантовские понятия в значительной мере дополнены другими, которые, с точки зрения ее автора, выражают кантовские идеи. Однако ценность подобного рода систематизаций, очевидно, заключается как раз в том, что они должны позволять разобраться, где выявляются оригинальные связи и отношения, а где присутствует их интерпретация.

Другая разработка концептуальной структуры третьей кантовской «Критики» была предпринята Джорджио Тонелли. Его работа широко цитируется и используется при обсуждении критической философии, что и понятно, поскольку она значительно более точно отражает «блок» разновидностей целесообразности у Канта. Схемы Тонелли отличают стремление к аутентичности понимания первоисточника и развернутая характеристика кантовских понятий. При этом не менее значимым, вероятно, является то, что итальянский историк проследил эволюцию кантовской терминологии и убедительно показал, что различные сочинения немецкого философа, такие как «О применении телеологических принципов в философии», «Первое введение в критику способности суждения» и даже разные части самой «Критики способности суждения», дают основания для несопадающих классификаций видов целесообразности и связанных с ними понятий. В схеме № VIII Тонелли зафиксировал соподчинение понятий раздела критики телеологической способности суждения, в котором кантовское представление о целесообразности обретает наиболее завершенные и продуманные формы⁵.

Интересно отметить, что две вышеупомянутые попытки систематизировать кантовские взгляды на целесообразность приводят к разным результатам. И дело здесь не просто в разной степени владения их авторами соответствующим материалом,

но в многослойности родового понятия целесообразности у Канта, неоднозначности отношений между ее различными видами. Это соображение, впрочем, не отменяет того, что стремление к максимальной аутентичности и достоверности должно быть определяющим при реконструкции как кантовской, так и любой другой философской системы.

Анализируя понятие целесообразности в критицизме с целью раскрытия его эпистемологического значения, следует обратить внимание на чрезвычайно важное отличие природной целесообразности от целесообразности произведений художественного творчества и сферы моральных отношений. Сам Кант утверждал, что первая «совершенно отличается... от практической целесообразности (человеческого искусства или же нравственности)» (5, 179). А вместе с тем все они являются разновидностями целесообразности как закономерности случайного. Имея в виду последнее обстоятельство, следует, вероятно, согласиться с мнением Ст. Кернера о том, что в кантовском учении невозможно выделить абстрактно общий признак у различных видов целесообразности, но для их классификации потребуется, скорее, теория семейных сходств Л. Витгенштейна⁶.

Однако, если не удастся схематизировать весь класс целесообразностей, может быть, такая задача разрешима частично, в плане определения иерархии видов целесообразности, функционирующих в кантовской эпистемологии? Оставляя в стороне область практического разума и эстетику, попробуем разобратсья в использовании понятия целесообразности лишь в рамках теории познания Канта. А для обоснования связи между данными разновидностями целесообразности воспользуемся утверждениями самого философа. Тогда их соотношение можно представить в виде схемы (см. стр. 67).

Итак, в эпистемологии Канта представлено целое «семейство» разновидностей целесообразности, включающее и общегносеологический принцип системной организации знания, и максимум мышления об органической природе. Тем самым критическая философия открыла широкие горизонты использования понятия целесообразности в теории познания.

¹ Vleeschauer H.-J. Development of Kantian Thought. L.: Nelson etc., 1962. P. 130.

² Mc. Farland J. D. Kant's Concept of Teleology. Edinburg univ. press, 1970. P. 87.

³ Ungerer E. Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie. B.: Borntrager, 1922.

⁴ Булатов М. А. «Практический разум», философия истории и теория целесообразности//Критические очерки по философии Канта. Киев: Наукова думка, 1975. С. 104.

⁵ Tonelli Giorgio. Von den verschiedenen Bedeutungen des Wortes Zweckmäßigkeit in der Kritik der Urteilskraft//Kant-Studien. 1957/58. Bd. 49. H. 2. S. 163.

⁶ Körner S. I. Kant. Harmondworth (Mx.): Penguin press, 1972. P. 200.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИРОДЫ

«Целесообразность природы есть... особое априорное понятие, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения» (5, 179)

